

18+

Ярослав Астахов

АНТИТАТИ

Повести и рассказы

Ярослав Астахов

Антитати. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Астахов Я.

Антитати. Повести и рассказы / Я. Астахов — «Издательские решения»,

Незадолго до этого сборника был опубликован другой мой: «Тати». Из конструктивной критики зацепил вопрос: почему внимание акцентируешь лишь на вредном? Неужто психосферу доктора Ланге обжили одни чудовища? Любая экология суть баланс: темное и светлое образуют, минимум, равновесие. Предлагаю: ты показал нам жути незримой сферы, почему бы вослед не открыть читателю и красоты ее? Такое вот заманчивое предложение сделал постоянный читатель. Да только ты покажи вот ее попробуй! Незримой сферы красу...

© Астахов Я.

© Издательские решения

Содержание

Преемственность	6
Подкладка Реальности	7
1	8
2	10
3	12
4	14
5	16
6	18
7	19
8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Антитати Повести и рассказы

Ярослав Астахов

Корректор Лада Виольева

Иллюстратор Ярослав Астахов

© Ярослав Астахов, 2026

© Ярослав Астахов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0412-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Преемственность

Незадолго до этого сборника был опубликован другой мой авторский: «Тати». Реакция на него последовала такая же, приблизительно, как на большинство моих новых книг.

Кто-то заинтересовался идеей и восхитился даже. Но и соразмерная волна критики поднялась.

Въедливые замечания-предложения разделились, как водится, на умные и... забавные.

Последние не отличались оригинальностью: перепевали на несколько новый лад очевидное: сказки, которые я рассказываю, представляют собою... сказки.

А вот из первых произвело на автора впечатление замечание следующее:

Ладно, — говорит критик, — допустим, что существует вокруг помимо очевидного еще и *ускользающее* от внимания очей наших, но оттого не менее вредоносное. Согласен, ибо на собственной испытать доводилось шкуре! Но вот вопрос: ты почему постоянно внимание акцентируешь в книгах своих лишь на ВРЕДНОМ? Неужто эту твою «*психосферу* доктора Ланге» обжили одни лишь монстры? Чудовища разнообразные только? Да ведь в любой экологии наличествует баланс: темное и светлое образуют, как минимум, *равновесие*. Иначе бы этот уровень бытия переварил себя сам и среди сфер бытийных не обрелось и вовсе никакой ПСИХО-((

Вот рассуждает как!

А дальше сей уважаемый комментатор делает конструктивное предложение:

Ты показал нам *жутки* незримой сферы. Но почему бы вослед не открыть читателю и — *красоты* ее? Ведь именно красота спасет мир, не так ли (Достоевский forever)?

Согласен полностью! Да только ты покажи вот ее попробуй, красоту *эту*! НЕЗРИМУЮ-то незримой сферы миротворящую красу...

Однако же... вызов принят.

Вот он перед вами, читатель въедливый, мой новый авторский сборник.

Его название «Антитати», может быть, не самое благозвучное. Но тем не менее показывает *преемственность*.

2026,

Ярослав Астахов

Подкладка Реальности (там полдень граничит с полночью)

Я потерпел бы фиаско, если бы захотел убедить читателя, что этот мой рассказ — не художественный.

Что будет, если сидя верхом на цистерне, наполненной керосином, зажечь над ее распахнутым люком спичку?

А после еще и уронить огонь в этот люк?!

...Вот именно ((

Засим и не претендую))

Здесь и далее иллюстрации либо авторские, либо найденные через фильтр «рекламная и другие лицензии», либо комбинация того и другого.

1

Возьмем в аренду машину времени. Переместимся во времена не столь отдаленные. В эпоху Густых Бровей. Там... ЗАСТОЙ.

Одной из наиболее бросающихся в глаза ипостасей оногo был ДОЛГОСТРОЙ советский. Ну или, честней сказать, НЕДОСТРОЙ.

Картину он представлял, как это политкорректно бы выразили сегодня... *альтернативно-акцентную*. Волглую заскоружлую стынь мазков неопятных оной бережет неверная память родившихся только очень, очень давно...

И — мальчиками. Девочкам такое было не интересно (за исключением разве немногочисленных русских Пеппи — редких, но точно *метких*). Мальчишек же как магнитом тянуло на лeтаргические те стройки.

На брошенные площадки, утыканые умирающей скорбной техникой. На эти *технологические болота*, подергивающиеся медленно *ряской времени*...

Забор!

Уже застораживает! И что ж это взрослые дяди за теми занозистыми глухими досками от нас прячут?

Спрашиваешь о том у родителей — в ответ классика: *Ничего там интересного нет! За этот забор никогда — никогда! — не лазь. Ты ВСЁ понял?!*

Ну вот уж поле такой-то отповеди... Читающие *всё поняли?*))

Мальчишеская секретная экспедиция неизбежна. Что даже и не вопрос.

А только вопросик: с кем?

Достойные симпатичные личности в нашем дворе водились. Я помню до сего времени первых друзей своих. (Сначала, кстати сказать, приключаются друзья *первые*. И только уже потом занимают их места *старые*. Ну прям вот как молочные зубы! — *dentes decidui* уступают лунки пришельцам, какие цепче))

Однако все симпатяги те оказались... мамкиными сыночками. Которым эти самые мамочки заказали насчет Забора еще как более строго-настрогo, нежели моя мне. Поэтому идея завербовать ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫХ — обломалась. Накрылась глухо МТ ((

Водилась в нашем дворике и шпана, конечно. Ей точно было уж *фиолетово* до запретов что мам, что пап!

Но приблатненные б отказали мне потому лишь только, что предложил — салага. Ну то есть отфутболили бы — из принципа.

Хотя сама-то идея шпане, скорей бы всего, понравилась. Настолько, что они б у меня ее тут же... слямзили.

Даже и не заметив лямза! Искренне бы потом приписали себе идею. Хвастались бы двору, расписывая великие свои подвиги, совершённые: За! За! Бо! Ром!..

К тому же не особенно и хотелось мне, честно-то говоря, оказываться с непредсказуемыми верзилами в территориях, где точно не маячит на горизонте ни одного взрослого.

Рабочие?

Сторожа?

Не смешите: советский долгострой-недострой это классика ведь была МЕРТВОЙ ЗОНЫ. Во многих смыслах сочетания сего слов, устойчивого и мрачного ((

На лунных приисках недостроя не наблюдалось и вообще, как правило, старателей никаких землян.

Вот кроме разве, подчас, не в меру любопытных *подростков*.

Клубу виртуальному коих принадлежал всем сердцем тогда и ваш покорный слуга))

2

Итого: одни побаиваются, а других сам побаиваюсь ((
Поэтому в соратники на поверку оказывался реальным рекрутом лишь один.
Паша Палтин.

Особенный то был мальчик... Настолько, что не всегда и нравилось общество мне его. Какою-то диковатой оказывалась, подчас, искрящая-дальше-некуда палтиновская логика.

Не в смысле, что простоват был Паша. Напротив, этот ровесник производил впечатление продвинутого по жизни дальше, чем некоторые взрослые (хоть и не в направлениях, правда, куда бы двинуться пожелал я сам).

А просто приключались у Палтина иногда... *закидончики*. Редко и однако же... РЕЗКО. Настолько, что не одного лишь меня выбивало из колеи.

Вот Паша миг еще назад адекватен, игру поддерживает... а вдруг отколет *особенное* настолько, что рот поразинешь ты! *Тихо* его раскроешь, рот этот... Но после заорешь *громко*:
— [мать-перемать] БОЛЬНОЙ! Ты ВААЩЕ больной на всю ё-т-м голову свою!!

Это о *недостатке* Палтина.

Но были у него и достоинства. Например: уж точно не сынок маменькин! Хрен мамка бы какая смогла ему запретить чего.

Ну то есть она могла бы, конечно, запреты свои *озвучить*. Чем, собственно, регулярно и занималась.

Но Паша реагировал как? В бутылку ничуть не лез (притом что его родительница, сказать по правде, из оной не вылезала: в любой из возможных интерпретаций фигуры речи).

Балда выслушивал отрешенно пьяные громогласности, а после тихо делал по-своему. (О мальчике таком и французы бы не сказали, наверно, *enfant terrible*... а буркнули б что-то вроде *enfant rusé*, надо думать.)

К достоинствам П.П. я отнес бы также: не задира по жизни. А сочетанье такое: не маменькин сынок да притом и не забияка — редкое!

Коротко говоря. Не получается возыметь, что любишь, — попробуй возлюбить, что имеешь.

Такую взрослую заумь я слыхом тогда не слыхивал. А если бы и подслушал случаем, то вряд ли бы осознал как некую мудрость жизни.

Однако принял решение в полном с ней соответствии. (О, если бы только знал!..)

Как Палтин отреагировал на приглашение поучаствовать в экспедиции? Цепнула ли неординарную личность эту идея проникновения За Великий Забор?

Да слабо бы сказать — вдохновила! Я стал для Паши аж ЛИДЕРОМ на какое-то время после озвучки геройских планов.

Я помню как сейчас полыхнувшие *диким* глаза его и вопрос, мне заданный с придыханием:

— А — когда??

3

«Когда» наступило тут же. Я с гордостью показал рекрутированному подкоп, какой организовал подвернувшейся железякой за ширмой дощатых ящиков, что свалены были небрежно близ основания Забора хрен знает кем (в эпоху построения коммунизма и не такое вываливали взрослые дяди, поддатые, где ни попадя).

И вот мы с Палтином стали — первопроходцы!

Прокрались как заправские *пластуны*.

Неустрашимые как вестерновские ковбои.

Оставив над собою и позади Забор, мы отряхнулись и расправили плечи гордо *за запретной чертой!*

...и Витус Беринг
ступил на берег...

Мы с Палтином переглянулись геройски — бесстрашные путешественники, посмевающие преступить *периметр*. За коим подстерегают змеящиеся кошмары... клубятся ужасы...

Площадочный бурьян оказался дремуч и по плечи мне.

Нисколько не преувеличиваю. Ведь ростом я обладал тогда *подростковым*. То есть моя голова была к земле ближе (хоть сердце — *дальше...*).

Жестокий *ветер неведомого* трепал разнотравье в дерганом, непредсказуемом ритме... И даже самое солнце иначе светило тут!

Идущие с безоблачного неба лучи непонятным образом оставались блёклы, *поляризованы* (ну да, мне вспомнился тогда Эдгар По: то есть его знаменитая «Рукопись, найденная в бутылке»).

Как если бы солнечные лучи проходили незримую взвесь какой-то мельчайшей пыли (*радиоактивной?* кто знает...).

И *звуки* вот почему-то как-то совсем иначе витали здесь... Трамвай ли вдалеке прозвенел? Да, как будто... Но долетало это его потустороннее треньканье... как скорбный заупокойный колокол.

Да тут и самое сердце — вдруг я заметил — иначе бьется! Под этим пристальным сглазом нагромождения темных окон, пятнающих недостроенную и рваную вертикаль стены.

Эти окна...

Разверстые, незастекленные и безрамные. Потусторонние черви, грызущие квадратами черноты запыленный кумач-кирпич...

Мне снятся до сих пор эти неприкаянные провалы. Квадратные безгубые рты самозванных судей, безмолвно, безапелляционно приговаривающие к смерти проникших на... территорию.

Не понимаю и посейчас, как мне с придурковатым товарищем удалось тогда избежать исполнения приговора.

Однако же в те мгновения мальчишеской экспедиции думалось не о том, конечно! Бравурные гормоны в моей крови гарцевали марш:

Злокозненная фортеция пытается внушить ужас? Застопорить экспедицию?! Хрен вот ей! Мы с Пашей поголовно *герои*. Поклявшиеся на сверкающих мечях рыцари... Страдающее человечество чаёт разгадки тайны. Разоблачения ужасных секретов губительного периметра — и надежда только на нас!

И мы ее оправдаем, всечеловеческую надежду эту. Не убоимся монструозных созданий, какие встретятся нам на тернистом этом пути...

4

Я накаркал.

Чудовища не замедлили появиться.

Первое оказалось ржавеющим, шестеренчатым. Зловещие черно-серые вороны засирали — неодобрительно вспархивая при приближении нашем — продавленную его макушку...

О гусеницу чудовища, распавшуюся и простершую зубоватые сочленения в заросли сорняков, споткнулся неустрашимый Палтин. И вскрикнул.

Исторг из уст проклятие, то есть, как поступают в подобных случаях все герои. (Не буду приводить героическое высказывание Паши дословно — издательство придерется.)

Но не *захныкал* ведь! А я и не сомневался в друге. Такого не сломить никаким *камням преткновения*! Ну то есть, как оно получилось в данный момент, — *железкам* этого самого преткновения. Он истинный конкистадор! Иному б и не нашлось места в моей команде. Которая вот еще немного и — спасет мир.

Но тут разинуло пасть навстречу иное чудище.

Кот-ло-ван...

Покинутый копателями давно и какой-то весь... заболоченный.

Мы мужественно преодолели дебри чертополоха и созерцали прямоугольный рот, зиявший отчужденно в земле... Стоячая грязно-серая муть закупоривала угловатую глотку гигантской полости недвижимым кляпом.

А вдруг эта вода *ядовита*? — подумал я (первопроходцы обязаны ведь во всем являть бдительность). На вид перед тобой может быть лишь обыденная зацветшая лужа, но... мало ли...

Да вот и подтверждение того, что незримо здесь правит бал Мастер Яд!

Собачий окоченевший труп.

Я первым замечаю его и указываю Балде (хоть Палтин терпеть не мог оное погонялово) и тем же указательным пальцем подаю ему знак: *молчи!*

Враги не должны слышать. Пусть пребывают в неведении о том, что мы поняли: заброшенный котлован — ОТРАВЛЕН. Его поверхность источает МИАЗМЫ... невидимые флюиды смерти.

Я вижу как наяву свершение судьбы собаки: животное, не подозревая опасности, подступает ближе... нюхая злокозненный воздух склоняет в пустоту голову... рассматривает отражение свое в зеркале ядовитых вод... подламываются лапы, собака падает в бездну, подергиваясь в полете в предсмертных судорогах... и даже еще до соприкосновения со смертоубийственной гладью — перестает дышать!

И вот ее останки перед нами теперь. В открытой пасти желтеет клык и язык скукожившийся чернеет...

И плавает вокруг ряска, медленная... Невинная безразличная. Ленивый ветерок загоняет ее в подтопленный мертвый рот...

— Палтин!!! [мать-перемать]

Тупица наклонился над котлованом, не думая об опоре.

И он зачем-то шестом (когда он только и где его подобрать успел?) тыкает в раздувшийся труп.

Край почвы может *поехать* в любой момент под ногами дебила этого и тогда... Ору ему во все горло:

— [мать-перемать] ОФИГЕЛ?!!

Я выразился не совсем так и однако наверное именно поэтому он — воспринял.

Оставил идиотскую палку торчать меж ребер прельстившей чем-то его дохлятины и на шаг отступил от края.

И после эволюции той вдруг вытянулся молодцевато во фрунт и гаркнул:

— Яволь, генерал!! Яволь!

(Аж вороны полетели тогда от воплей уроды этого с кабины битого временем гусеничного трактора.)

Что хуже, Палтин добросовестно притом «ел глазами начальство» (как требовали уставы армий, polegших еще на Первой, *газовой* мировой войне). На роль *начальства же* новоявленный сей ЗОЛЬДАТ однозначно уже припахал *меня*.

И сделалось в момент ясно из экзотической столь реакции, что Паша теперь... *играет*.

В чудовищного полковника. В уроды, что подвизался некогда в легендарном корпусе... *генерала Шнее*.

5

О, этот приснопамятный генерал! У нас во дворе привилось поветрие поиграть в него. В безбашенного немецкого полководца и жутких его полковников.

Точнее же сказать... я привил.

Сам этого не желая. То есть не планируя прививать, а так оно вдруг нечаянно получилось. Чего не ожидал даже. И потому загордился тогда немного, честно-то говоря.

Все произошло просто. Нашел на меня во дворе как-то стих... *рассказать историю*. На тему — в данном конкретном случае — как немцы во времена Второй Мировой воевали с американцами.

С чего вдруг тема такая? Так ведь о РУССКИХ сраженьях с фрицами было известно всем. Хватало фильмов толковых (тут и у меня даже, «антисоветчика», нет претензий). А вот о боданьях пиндосов с немцами ниша информационная пустовала. Поэтому я и выдал на публику то, что знаю (как бы) о том.

Чего же ради старался?

Хотел быть в центре внимания? Да ничуть! Внимание кого-то ко мне почему-то меня тогда раздражало даже. (В том числе и родительское... каким же дураком был! Сейчас они не со мной, не с нами... Гнетет проявленная когда-то недооценка даримой тебе любви. Впрочем, какой и когда подросток сходной не страдал дуростью? Да только это слабое утешение.)

Внимание меня доставало, да; но вот РАССКАЗЧИКОМ почему-то вашему покорному слуге служить нравилось. *Рассказка* ведь это как? Ты мерно и отрешенно, почти торжественно произносишь фразу за фразой — и тебя *внимательно* слушают. И даже чихнуть боятся, чтоб только не пропустить чего! Не ты есть центром внимания, но: РАС-СКАЗ.

Рассказ же как сделать *центром*? Подросткам интереснее действовать, чем внимать. Поэтому мое бла-бла для тогдашних ровесников обязано было быть непрерывным потоком *действия* (экшн!).

А для завоевания верзил и этого мало. Салага, типа, пи... фигну гонит (поскольку «взрослой жизни еще не знает, хо-хо!»). Однако. Если забросишь удочку: «Вот я вчера кино видел... классное!» Тут и залипнут некоторые: «О чем?» «А кино-то какое хоть?»

Паузу небесполезно бывает выдержать. Рожу многозначительную состроить. Потом изречь:

— Секретное, ВААЩЕ, кино. Такого тебе по телику не покажут. Я только *по благу* видел. На ЗАКРЫТОМ ПРОСМОТРЕ... сечешь?

Вот после подобного моего пи... *анонса* — подтягивались, бывало, даже и старшаки. Ведь двор наш как-то прознал, что мать у меня работает — в оборонке. В немаленькой, притом, должности.

Трепать о таком родителями мне было, ясное дело, строго запрещено. И я блюсти сей запрет — польщенный взрослым доверием — сразу поклялся искренне. И клятву детскую ту... сдержал, как это ни удивительно! Да только ведь сами взрослые откровенничают, случается, почище деток своих... подчас. Точнее: под *отмечание праздников*.

Уж так оно или иначе, а во дворе — прознали. Прониклись, и потому, вероятно, послушать меня любили. Настолько, что лишь стоило замолчать — потряхивали:

— А дальше? дальше-то — ЧЁ?

— ...А вот ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО! (присказка бытовала тогда ехидная) Амеровские бригады на Шерманах (сам «шарманка»! так танк тогда основной пиндосовский назывался, понял?) обложили весь этот, [мат], экспедиционный германский корпус. Вопили из матюгальника им: Сдайтесь, [мат], а то живые позавидуют мертвым: на фонарях перевешаем!!

В ответ на такое хамство немецкий генерал хватъ... лично — ранцевый боевой огнемет пехотный! С которым так и попёр на пиндосов, неистово поливая... Четыре Шермана [мать-перемать!] лично сжёг.

— А чё хоть за генерал? Остался он в этих... [мат] *анналах* истории? Звали хоть генерала как?

(Ну не умеют рассказчика не перебивать! Ур-роды...)

— Шнее. — Такой ответ у меня вдруг сам с языка скользнул. Хотя я и слова такого даже не знал немецкого. Сам удивился аж, как произнес его неожиданно без малейшего замедления.

Но изумление мое тогда было легкое, мимолетное. Ведь сколько раз уже замечалось мне: коли, что называется, «Остапа понесло», — тут уже «всяко лыко» не только не пойми откуда возьмется, но и само собой «в строку» станет!

Это лишь сейчас думаю: а может и жил когда-то (кто ведает?) этакий генерал... И умер (погиб героически), но затерялся в каком-то кармашке пространства-времени: тусклый оловянный солдатик, забытый Вечным Ребенком («Бог это вечный ребенок, играющий в вечном саду», учит Ауробиндо) ...но вдруг эфирной волною, какую оседлал сёрфинг моей нехитрой былички, — был вытряхнут из кармана?.. **Ребенок** весть!

Об именах оппонентов Шнее меня не спрашивали. А нету имени — нет и мифа (читай Алексея Лосева). Вот и утвердился в дворовой мифологии нашей один лишь тот генерал.

Хоть и неудачно окончился путь воителя этого (коль верить моей быличке). Чего уж там — *смехотворно* он финишировал! Да только даже и это... легло «в строку». Испанская поговорка: «над кем ты посмеешься, того полюбишь» (а иногда ведь и вправду, чёрт!..).

Смешное: геройский Шнее споткнулся об обгоревший труп одного из им же сожженных солдат противника. И выронил огнемет. И упал. А раскаленное сопло того оружия, падавшего вослед, — перекувырнулось в воздухе. Все продолжая еще извергать смертоносную пламенную струю. И та ударила слепо в жопу повергшегося героя. И — загорелась жопа! А от нее загорелся сразу весь генерал! И уцелели тогда только звезды с его погон. Тем и кончилось.

6

Тем кончился мой рассказ.

Но — не Шнее. Он предложил себя неожиданно как горючее, закачанное в генератор энергии двора нашего.

В немецкого генерала начала играть малышня с пистонными пукалками. Портреты Шнее рисовали мелками девочки на асфальте (изображая его, как правило, с усами штопором типа Бисмарка и с нелепыми эполетами). Да и о Шнее же...

Что там говорить! Уже через неделю если бы я признался, что этого генерала я просто *выдумал*, — меня бы так же просто тогда... *побили*. Не понарошку — чувствительно. И не из «подростковой жестокости», а справедливо мстя за посягательство на... *святое*?

Конечно это слово тут едва ли подходит)) И вряд ли даже его хоть кто-либо во дворе *знал*. (За исключением разве Наташи Контовой из подъезда четвертого. *Поповны*. Как и словечко «поповна», впрочем, едва ли кто тогда ведал.) Однако приземленное представление, осязательно соответствующее зашкаливающему понятию... его-то детские сердца как-то... чуяли.

Завирусившаяся игра в генерала Шнее явила собой, конечно, дворовый «стадный инстинкт», не более. Поветрие, которое у большинства детей как явилось, так и вскоре повыветрилось.

Но это у большинства. С которым наряду обнаружились во дворе, как ни странно, устойчивые фанаты Шнее.

И первым из таких — Паша Палтин. Он был поначалу САМЫМ, а после вообще стал ЕДИНСТВЕННЫМ.

Стойкое увлечение моей сказкой (а он и мысли не допускал, что — *сказка*) возможно даже и повело к тому, что Паша выбрал себе *карьеру военного*. Подал документы в Суворовское училище. Хоть и, вероятно весьма, Палтин просто сбежал туда от обрыдшего бардака в семье.

...Итак: Яволь, генерал!

И Паша «ест глазами начальство»...

А что же я? Немецкий солдафон с огнеметом стал для меня к тому времени разве только лишь тенью пройденного этапа. Но... почему бы не потрянуть старый добрый пропахший порохом вермахтовский светло-серый мундир?

— Смотрите туда, полковник, — указал подчиненному Шнее, сверкнув моноклем. — Американский бронепоезд идет в атаку! Вы это видите?

7

Он... *увидел*.

Чего там, я сам — УВИДЕЛ.

Летящую мне в лицо клёпаную тупую морду локомотива. Вскипающие тугими клубами серо-бурые дымы бронированной трубы. Маленькую смешную цистерну — запас воды — подскакивающую на стыках...

Грозные канонерки-вагоны уже нащупывали нас пушками. Вдобавок из каждой бойницы бронесостава торчали хищно шевелящиеся стволы автоматов Томпсона, пулеметов Джонсона... Мне и моему подчиненному оставалось жить...

— Заходим с разных сторон, полковник! — отдал я тогда героически твердый приказ. — И, по моей команде... ГРАНАТОЙ ОГОНЬ!!

Паша нащупал на земле тут же, кажется, пустую водочную бутылку, брошенную там кем-то. Мне ж подвернулся под руку ржавый железный болт, что тоже вроде могло сойти за немецкую Stielhandgranate.

Перегнувшись, герои-воины одновременно метнули их по врагу... ПРАХ И СМЕРТЬ!!!

Американский локомотив оказался повержен в одно мгновение. Дергающую рычагами машину сшибло с железнодорожных путей двумя синхронными взрывами. Блевотиной захлестал кипяток из лопнувшего котла, свистел пар...

Команда машинистов бежала.

Бронированные гаубичные вагоны громоздились со скрежетом друг на друга, не оставляя артиллеристам ни шанса вести огонь.

Боезапасы взрывались, детонируя в чревах опрокинутых канонерок, и бесновался над полем боя убойный хаотический фейерверк...

Немногие оставшиеся в живых солдаты противника выпрастывались из груд корежимого со скрежетами металла. Выжившие счастливчики молотили по нам из Джонсонов с их нелепыми магазинами, вытарчивающими сбоку.

Однако мой Парабеллум не оставлял им шансов. Как и суровый Вальтер мне преданного полковника.

Разгром америкосов был полный. От гордого бронепоезда не осталось ничего вовсе. Он как бы во мгновение весь ИСПАРИЛСЯ куда-то вдруг...

И только лишь одиноко торчала пред победителями... *цистерна*.

Смешная и непонятно *маленькая*.

Та самая, которая подскакивала недавно так бодро на стыках рельс...

8

Теперь она стояла спокойно.

Мы с Пашей взобрались на нее осторожно и даже с некой... *почтительностью*?

Уселись, уютившись на теплой, нагретой солнечными лучами цилиндрической выпуклости.

Молчали, словно ждали чего-то. Не сразу после этой тихой аннексии нас потянуло начать обследовать горловину, пытаться открыть таинственный, волглый, местами чуть проржавевший люк.

Да и защелка его подалась не вдруг... Но как только — мы оба чихнули разом!

Ведь оказалось, что обреталась-то внутри ёмкости... не *вода*. Ядреным кулаком КЕРОСИНА безжалостно шибануло в нос!

Чих Палтина прозвучал *раз*, вот именно. Тогда как я керосиновой атмосфере открывшейся неожиданно той салютовал трижды. И каждый раз громче прежнего. И после третьего думал: ну вот сейчас-то уж точно Паша станет насмешничать!

Но Палтину оказалось похер мое чиханье.

А лучше бы уж язвил! Он хохлился как-то странно, я вдруг заметил, на странненькой той цистерне...

И как-то вот... *жалко* даже. Передо мною сидела битая, коцаная ветрами птица.

Больная.

Оцепеневшая.

ХИЩНАЯ.

Таким я запомнил Пашу. Втянутая голова в плечи. Губы, в шнурочек свитые... Он был как треснутая гитарка, играющая безмолвно себе самой о каком-то очень [мать-перемать] *своём*...

— А знаешь, почему пиндосы предали бронепоезд? — бесцветным голосом вдруг нарисовал Палтин.

— Н-нет, — удивлением заикнулся я (...ПРЕДАЛИ??).

— Да потому что кишка у заокеанского говнюка тонка — ПОДОРВАТЬ! Вот прямо с собою вместе! А вот у нас, у арийцев...

Я вздрогнул и уставился на него.

Тут Палтин почему-то истолковал мой взгляд проявлением *недоверия*.

— Ты думаешь, я пи... [мат]? А вот и ни [мат] не пи...

Он вынул спичечный коробок.

Открыл.

Задумчиво как-то вытянул из него спичечку. Чиркнул о коробковый бортик — явилось пламя.

Такое маленькое и бледное... безобидное.

А ветра вдруг тогда вовсе вокруг не стало.

Даже самого легкого.

И раньше-то ветерок был умеренный так себе — теперь же неожиданно пропал намертво... почему-то.

Пытался ль я тогда выбить, выхватить из палтинской лапы — спичку горящую?
Даже и не подумал.

Мы с ним сидели по разные стороны разомкнутой горловины, расположившись относительно нее так, что я б и не дотянулся просто. Действие невозможно было. Не было никакого смысла.

Но человеку ведь свойственно как-то... *дернуться* в ситуации смертельной опасности?? Рыпнуться, рвануть, взвиться... а не раздумывать этак вот о возможном и невозможном и есть ли смысл!

Чем объяснить мое странное тогда отупение в роковые секунды? Неужто Палтин сумел... ввести меня в некий транс?

Ну разве — непроизвольно. Гипнотизировать он, конечно же, не навек. Да ведь и я не гипнабелен (как мне сказал это как-то примерно в те времена один увлекающийся гипнозом взрослый).

Наверное вот как раз эта самая-то *непроизвольность* гипноза палтинова и сделала из меня тогда... фаталиста?

Помаргивающий невинно спичечный огонек исчез в жерле люка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.